

Содержание

<i>Елена Вишленкова, Вадим Парсамов</i> Архив как исследовательская проблема для историка университетской культуры.....	5
<i>Наталья Алмазова</i> Дело о «наилучшей» организации архива императорского университета в Казани	23
<i>Наталья Алмазова</i> Судьба архива императорского университета в Варшаве.....	35
<i>Тьерри Амалу</i> Первые архивные каталоги Парижского университета в XVII веке: симптом кризиса или ресурс новой историографии?.....	48
<i>Елена Вишленкова, Кира Ильина</i> Архив как средство управления российскими университетами.....	83
<i>Зарина Гатина</i> Где искать диссертационные дела русских врачей, или Особенности архивирования делопроизводства медицинских факультетов	102
<i>Татьяна Жуковская</i> Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности.....	114
<i>Кира Ильина</i> Архивы попечителей учебных округов в Российской империи	165
<i>Луиджиаврелио Поманте</i> Университетские архивы Италии между традицией и инновацией	185

Содержание

Яна Руднева

«Большой архив женского университета»: возможности реконструкции.....206

Александр Русанов

Архив Португальского университета в XIV — начале XVI века.....220

Петр Сафронов

Оглядываясь на будущее: устройство архива, судьба университетов и задачи высшего образования234

Александра Трифонова

Университетские архивы в Болгарии.....246

Иоанна Шиллер-Валицка

Архив Польской Академии наук как хранилище профессорского наследия265

Список сокращений293

Сведения об авторах.....297

Елена Вишленкова, Вадим Парсамов

АРХИВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА ДЛЯ ИСТОРИКА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

doi:1017323/978-5-7598-1587-7_5-22

Специфичность данной книги в том, что она об архивах, но написана не архивистами и архивоведами, а практикующими историками. Соответственно, в ней нет истории архивного дела и росписи документальных собраний, а главное внимание сосредоточено на историях возникновения и бытования определенных документальных коллекций, т.е. биографиях университетских архивов и практиках работы с ними. Понятие «биография» мы используем в значении, которое сформулировали социологи Арджун Аппадурай и Игорь Копытофф применительно к вещам². Они призывали исследователей восстанавливать истории вещей как человеческие биографии, интересуясь обстоятельствами их создания, их участием в жизни людей, гибелью, а также тем, как со временем меняется их ценность.

Приглашенные к участию в этом проекте историки из разных стран (многие из них специализируются на изучении университетского прошлого) рассказали о собственном или коллективном опыте диалога с университетскими архивами. Общими усилиями мы хотели сделать наши персональные опыты (которые, как правило, передаются изустно от учителя к ученикам) частью профессионального знания.

Потребность письменно зафиксировать сделанные наблюдения и обретенные догадки, желание посредством книги обсудить

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective* / A. Appadurai (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 3–63, 66–67.

и поделиться с коллегами нашими гипотезами и открытиями порождены в том числе изменениями в исторической профессии и связанной с этим десакрализацией архивных свидетельств. Изменения в истории произошли главным образом вследствие критической ревизии аналитического инструментария и технологий работы с источниками, осуществленной во второй половине прошлого века. А разрушение доверия к архивным свидетельствам началось еще раньше, но долгое время оно сдерживалось незнанием логики формирования архивных собраний, принципов сохранения и уничтожения документов.

В результате коллективного обсуждения персональных опытов у нас получился рассказ об университетском архиве как феномене исторической культуры. Его мы и представляем на суд читателей.

Поводы к сомнениям

Со времени выхода в 1820-е годы работ Леопольда фон Ранке историки оценивают работы коллег в том числе по результатам архивного поиска. Многие десятилетия господствовало убеждение, что, погрузившись в чтение документов, исследователь познаёт историческую действительность и представляет ее в своем рассказе. При этом архиву приписывались свойства неизменности и цельности, а само приобщение к его богатствам интерпретировалось в категориях любви. «Притягательность архива непреложна, — утверждают хранители рукописей. — Ее нельзя объяснить только прагматическими целями получения информации. Скорее бесконечностью эмоциональной подпитки»³.

Мы не ратуем против любви к архиву (сами испытываем удовольствие от работы в нем), но призываем относиться к нему с осознанием того, какие ловушки расставили для исследователей университетов создатели и хранители документов.

В проявлениях такой предосторожности вряд ли мы — первооткрыватели. В 1970-е годы изучение проблемы пристрастности языка научного и документального описания, музейных и архивных коллекций, литературной классики стимулировали постколониальные штудии. Постулат «колониальные архивы производят

³ Горяева Т.М. Магия документа // Когнитивная история: Концепция — Методы — Исследовательские практики. Чтения памяти профессора О.М. Медушевской. М.: РГГУ, 2011. С. 55.

свою собственную правду» служил отправной точкой для ревизии исторических свидетельств в латиноамериканских, африканских и азиатских исследованиях⁴.

А в 1980-е годы о власти архива и его создателей применительно уже к американской истории писали архивисты Фрэнк Боулс и Джулия Янг⁵. После них проблема нейтральности архивного свидетельства, беспристрастности его участия в производстве нового знания, вопрос о праве архивистов быть творцами истории стали широко обсуждаться на страницах журналов⁶.

Кроме вызова постколониальных исследований, стимул к такому разговору и повод к осторожности в использовании архивных свидетельств дало появление «архивов идентичности» — коллекций документов и данных, созданных общественными объединениями, неформальными организациями или отдельными лицами. Их создатели бросили вызов профессионалам, грозя переписать историю (войн, экологических катастроф, стихийных бедствий, маргиналов и проч.) путем «правильной» подборки документов. Эти намерения заставили историков пристальнее присмотреться к процессу документирования и сохранения свидетельств. Внимательное всматривание открыло, что архивы являются «агентами» и даже «авторами» своих источников.

После целого ряда конференций и обсуждений в 2009 г. появилась книга Фрэнсиса Блоуина и Уильяма Розенберга, зафиксировавшая произошедшие в исторической профессии перемены⁷. Опираясь на них, соавторы сформулировали необходимость дополнительных аналитических процедур в ходе проведения профессионального исследования: «ученый должен приложить определенные усилия для выяснения того, как и почему были собраны соответствующие источники, о чем они свидетельствуют (не только прямо, но и косвенно), какие социокультурные и социально-

⁴ Например: *Burns K. Into the Archive: Writing and Power in Colonial Peru*. Durham: Duke University Press, 2010.

⁵ *Boles F, Young J.M. Exploring the Back Box: The Appraisal of University Administrative Records // American Archivist*. 1985. Vol. 48. Spring. P. 121–140.

⁶ Пример таких дебатов: *Samuel H.W. Who Controls the Past // American Archivist*. 1986. Vol. 49. No. 2. P. 109–124; *Cox R. The Documentation Strategy and Archival Appraisal Principles: A Different Perspective // Archivaria*. 1994. Vol. 38. No. 2. P. 11–36.

⁷ *Blouin F, Rosenberg W. Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives*. N.Y.: Oxford University Press, 2010.

политические конвенции стоят за их возникновением и что может означать их молчание»⁸. За этой довольно тривиальной формулировкой скрывается задача более сложная, чем та, которую с XIX в. ставили перед собой историки. Речь идет не о внешней критике источника, а об изучении его дискурсивной биографии.

Как правило, осуществлению этой задачи мешает «водораздел» между историками и архивистами⁹, у которых сегодня разные цели в жизни, а также неготовность читателей и писателей признать множественность прошлого. Эти естественные трудности отягощает способность господствующих нарративов уничтожать альтернативные версии истории и редактировать под эту задачу имеющиеся архивные собрания. Восстановить существование погибших версий прошлого или создать новые версии по сохранившимся крупицам и косвенным свидетельствам оказывается крайне сложным делом.

«Архивы, — считает культурный антрополог Энн Стоулер, — являются не только культурными пространствами, где оспариваются значения исторических источников, но и пространствами институциональными, где оспариваемые представления о прошлом зависят от тех способов, какими смысл источников был скрыт, затемнен или, что еще важнее, навязан архивными практиками и установками. “Ткань архива”, — уверяет она, — не только отражает, но также создает репрезентации общественной памяти и самые распространенные формы исторического понимания. Архив, как и историки, приписывает своим источникам определенные значения, организуя их таким образом, что они по умолчанию предполагают те или иные виды вопросов и даже ответов»¹⁰.

Чтобы не оказаться в плену сложенной и хранимой в архиве версии прошлого, исследователю надо изначально заподозрить в архиве дискурсивное пространство. И работая с таковым, ему предстоит выяснять, какие категории и утверждения в его сви-

⁸ Блоуин Ф., Розенберг У. Споры вокруг архивов, споры вокруг источников // Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Статус документа в культуре / под ред. И.М. Каспэ. М., 2013. С. 128.

⁹ Blouin F., Rosenberg W. Op. cit. P. 116.

¹⁰ Stoler A. Colonial Archives and the Arts of Governance: On the Content in the Form // Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory / F.X. Blouin, W.G. Rosenberg (eds). Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 271. Цит. по: Окончательная бумажка... С. 130–131.

детельствах оказались привилегированными и получили право на жизнь, а какие были в разные времена разжалованы или проигнорированы. «Чтение [рукописных коллекций] “поперек волокон”, — вдохновляет историков Стоулер, — открывает путь к знанию, скрываемому или замалчиваемому посредством этих архивных процессов»¹¹.

У авторов этой книги была возможность проверить данное утверждение на себе и убедиться в его справедливости.

Интересы составителей

Кроме вышеупомянутых обстоятельств, наш пристальный интерес к феномену университетского архива¹² был порожден изменениями в парадигме исследований Университета. В последние годы произошла явная смена приоритетов в них: прежнее доминирование институциональной истории сменилось триумфальным шествием культурной истории. При этом речь идет не о механическом расширении тематики и проблематики публикаций, а о качественных изменениях в понимании сути и исторической природы Университета. За фасадом образовательного учреждения исследователи обнаружили академическую культуру, и это открытие повлекло за собой поиск иных источников для изучения ее прошлого и разработку новых методов для их интерпретации. Как следствие, объектами изучения стали не только архивные документы, но и исследовательские тексты об Университете. Интерес к ним породил свои открытия.

В свое время сторонники семиотики предлагали рассматривать культурные пространства в форме центральных систем. В центре размещалось стабильное и устойчивое ядро культуры, а перифе-

¹¹ Ibid.

¹² Понятие «университетский архив» здесь выходит за рамки ведомственного архива конкретного университета. Мы используем его в значении, которое сформулировала Т.Н. Жуковская: «Если учитывать и описывать все направления деятельности университета, порождающие делопроизводство, то следует понимать под архивом университета совокупность всех комплексов, отражающих его административные и социальные связи. Я бы ввела понятие *Большой университетский архив*, необходимое для понимания системы университетских связей, направлений деятельности, границ университетского сообщества, территориального и институционального пространства университета» (см.: Жуковская Т. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности (статья в данном сборнике, с. 114)).

рия интерпретировалась как сгущение случайностей и противоречий. Считалось, что постоянное взаимодействие между ядром и периферией, перевод с языка казусов на язык закономерности и обратно, обеспечивает устойчивость и одновременно развитие данного типа культуры.

Если воспользоваться этой метафорой, то современные исследования университетов располагаются на разных удалениях от центра, образованного верой в достоверность и объективность документальных свидетельств. Любой университет репрезентирует себя как всегда бывший и стабильный исторический феномен. Примеры таких утверждений можно в изобилии обнаружить на университетских сайтах, в юбилейных изданиях и актовых речах. Они транслируются не только через письменные тексты, но и через визуальные образы (например, галереи ректорских портретов и бюсты выдающихся ученых). Преемственность утверждается через многотомные словари профессоров и студентов, посредством справочников для поступающих и прочие не-нарративные тексты.

Юбилейные истории, построенные на основе пересказа или при иллюстративном использовании таких утверждений, прочерчивают линейное время поступательного развития «своего» учреждения. В нем удобно размещаются вневременные и семантически неопределенные категории «традиция», «университетская культура», предикат «классический». И хотя создание репрезентаций, а также конструирование идентичностей всегда осуществляется с помощью отбора свидетельств (более того, именно перемены в принципах сбора и отсева исторических источников приводят к обновлению социальной миссии Университета и осовремениванию имиджа ученого), вопрос о средствах и технологиях их производства в официальных историях, как правило, не оговаривается¹³. Все внимание создателей рассказа о прошлом сосредоточивается на факторах единства и стабильности.

Но чем дальше писатель располагается от «центра веры», тем сложнее и неоднороднее становится его образ Университета. Недо-

¹³ Под официальной историей в данном случае подразумеваются исторические нарративы, отвечающие потребностям университетского руководства и создающиеся по его заказу, как правило, к университетскому юбилею. Сюда же следует отнести и те университетские истории, которые пишутся не по заказу и не к юбилеям, но сознательно или несознательно создаются под влиянием официальных нарративов. Авторы подобного рода историй вольно или невольно оказываются в положении не столько исследователя, сколько репродуктора официального университетского дискурса.

верчивый историк обретает зоркость, улавливающую разнообразие, случайности, различия, столкновения интересов и характеров, служебные неурядицы и личные выборы университетских преподавателей, наконец, разрывы в развитии самого университета. Он видит не только победившие версии университетского самоописания, но и оказавшиеся безуспешными попытки сотворения образа «своего» университета. Эти не вписывающиеся в официальный дискурс высказывания, судьбы и события стали объектами анализа сторонников новой социальной истории, истории повседневности, культурной истории университетов. В результате мы обрели целый спектр университетских историй.

Не готовые к принятию множественности прошлого коллеги обсуждают критерии, по которым следует оценивать результаты исторических штудий. При этом рефлексия над аналитическими процедурами и теоретическими основаниями исследовательской работы нередко оказывается подмененной более тривиальными вопросами — о приемлемых и понятных языках изложения, о выборе объективных или достоверных источников¹⁴. Исследователи, верующие в беспристрастность архивных свидетельств, настаивают на том, что «архивы не врут» и что научные тексты следует писать языком литературы.

Если вопросу о языках аналитического описания прошлого посвящена большая дискуссия и литература, то проблема дискурсивности университетских архивов в них почти не затронута. И понятно почему. Нет такого исследователя, кто за одну творческую жизнь мог бы изучить логики построения и биографии многих весьма объемных университетских архивов, кто смог бы сделать на основе этого опыта сравнения и обобщения. Такое теоретизирование под силу лишь коллективам специалистов. Для их объединения и реализации подобных проектов был создан Центр университетских исследований в НИУ «Высшая школа экономики». С 2012 г. он действует в составе Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева¹⁵.

¹⁴ В радикальной форме раздражение от непонимания языка современного аналитического описания было высказано в рецензии: *Дементьева В.В.* Глубокомысленная бессмыслица: Статусные создатели и обескураженный читатель // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 149–159.

¹⁵ Центр университетских исследований был создан в 2012 г. под руководством профессора Е.А. Вишленковой. Большую поддержку в его организации

В изучении биографий университетских архивов мы продвигались довольно медленно. В 2013 г. в Москве провели международную конференцию, нашли благодаря заявкам исследователей и их выступлениям единомышленников, годами вели с ними переписку, встречались на других научных площадках, а затем подготовили эту книгу.

Архив профессорской идентичности

Другим импульсом для изучения университетских архивов как объектов и субъектов академической культуры было участие сотрудников Центра в двух масштабных проектах — «Ubi Universitas, ibi Europa»¹⁶ и «Культура университетской памяти в России»¹⁷. В международном проекте мы на себе и своих коллегах ощутили, какие злые шутки разыгрывают с исследователями архивы. В начале пути предполагалось, что, соединив данные из архивов трех российских университетов и Министерства народного просвещения, мы получим единую картину университетского прошлого. Однако на выходе исследовательские группы, работавшие с хранилищами документов разных университетов, обрели на основе анализа их свидетельств разные версии прошлого. Без применения ретуши из отдельных историй универсальной (всеобщей) истории российских университетов никак не получалось, поэтому в результате проекта родились две разные книги¹⁸. Этот исследовательский опыт побудил нас обратиться к изучению политик памяти.

оказали директор ИГИТИ И.М. Савельева и проректор НИУ ВШЭ М.М. Юдкевич. Благодарим их за доверие.

¹⁶ Речь идет о международном проекте «Ubi Universitas, ibi Europa: Transfer und Adaptation von Universitätskonzeptionen im Russischen Reich (18 — erste Hälfte des 19. Jahrhunderts)», получившем поддержку Германского исторического института в Москве и Gerda-Henkel-Stiftung (2008–2010, AZ 02/SR/08).

¹⁷ Проект «Культура университетской памяти в России: механизмы формирования и сохранения», а также работа научно-учебной группы «История постсоветских университетов» осуществлялись в 2012–2014 гг. при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹⁸ Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века / под ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012.

Что касается второго проекта, то главными действующими лицами в нем были студенты. Проект подразумевал сбор интервью об академической жизни в России 1980–2010-х годов. Собрать их нас побудил тогдашний кризис документирования и архивирования (во многих университетах в перестроечные и постперестроечные времена в архивы не сдавались документы из факультетских канцелярий, на кафедрах не велись протоколы заседаний) и интерес к воспоминаниям рядовых участников университетской жизни.

С помощью социологов образования и культурных антропологов мы создали вопросник, который служил для студентов-интервьюеров не жесткой рамкой, а провокацией разговора с информантом. То обстоятельство, что интервьюеры не имели априорных исследовательских намерений или гипотез, а расспрашиваемые преподаватели нередко обладали заранее заготовленными рассказами о прошлом, страховало тексты-памяти от исследовательского давления. Среди опрошенных были работающие и пенсионеры, доценты, профессора, бывшие и действующие ректоры, их помощники, научные сотрудники. Все они жители разных российских городов. К настоящему моменту собрано 162 интервью. Как правило, это слабоструктурированные, нарративные тексты объемом до 40 000 знаков. Примерно четверть из них с согласия информантов опубликована на сайте Центра университетских исследований¹⁹.

Благодаря такому проекту мы обрели альтернативную по отношению к государственным архивам коллекцию, в которой сосуществуют множественные версии прошлого. Сопоставление ее свидетельств с нарративами официальных изданий, в том числе с опубликованными мемуарами академиков²⁰, показало, что воспоминания и представления рядовых участников событий значительно отличаются от того, что им полагалось помнить²¹. Но

¹⁹ Архив интервью на сайте Центра университетских исследований: <<http://igiti.hse.ru/unimemory/interview>>.

²⁰ Дмитриев А.Н. Мемуары постсоветских гуманитариев: стандартизация памяти? // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 358–384.

²¹ Гатина З.С., Гребенкина Д.М. Личные воспоминания о постсоветских университетах и архив профессорской идентичности // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 261–286; Баженов О.А., Морозов О.В. Образ университета 1990-х годов в интервью современных историков // История и историческая память. Вып. 10.

главное, в чем убедила эта работа, это то, что университет представляется коллективным субъектом лишь ретроспективно. В реальном времени люди рассказывают и пишут собственные истории. От исследователей потребовались бы изобретательность и усилия, чтобы сделать их единым рассказом об общем Университете, заретушировать противоречия и отличия.

Результаты эмпирических исследований

Приступив к изучению историографии российских университетов, мы обнаружили, что дебаты о дискурсивной природе архивов почти не отразились на университетских исследованиях. И вследствие такого игнорирования продолжается практика тематического пересказа архивных документов или некритического воспроизведения данных из отчетных материалов.

Традиция такого способа создания университетских историй сложилась в XIX в. Тогда большие нарративы прошлого рождались в одном из двух жанров: либо в виде олитературенного отчета о деятельности учреждения (что делалось на основе делопроизводства канцелярий), либо в форме прославительного повествования о просветительской политике правительства (что осуществлялось на основе законодательства и архива Министерства народного просвещения)²². Важным исключением стали публикации Н.Н. Булича, созданные на основе спрятанных архивариусом документов²³.

Саратов; Ставрополь: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2014. С. 218–229; *Баженов О.А., Гатина З.С.* Формирование исторической памяти о российских университетах 1990-х годов: свидетельства и их интерпретация // *Новое прошлое*. 2017. № 1.

²² *Вишленкова Е.А.* Университетский XIX век в России: дискурсивная история // *Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия* / под ред. Е. Вишленковой, Д. Сдвижкова. М.: НЛО, 2013. С. 285–316; *Vishlenkova E.A.* Designers of the Past and Various Histories for a Russian University // *History of Education and Children's Literature*. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 203–225.

²³ Н.Н. Булич обнаружил на чердаке Казанского университета коробки с документами первой четверти XIX в., которые архивариус списал, но не уничтожил. Это были тексты, свидетельствующие о ссорах и спорах профессоров Александровской эпохи. Историк написал на их основе рассказ, но не смог снабдить его научно-справочным аппаратом. См.: *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам // *Изв. и Учен. зап. Казанского ун-та*. 1880. Янв.–февр. С. 1–112; 1886. С. 1–387; 1890. Кн. 1. С. 1–144; Кн. 2. С. 145–276; Кн. 3. С. 127–244; Кн. 5. С. 133–208; Кн. 6. С. 122–214; 1891. Кн. 1. С. 179–276; Кн. 2. С. 141–269.

В советскую эпоху к этим двум жанрам добавились биографии выдающихся ученых и рассказы о деятельности профессиональных объединений. Создание таких нарративов стало возможным благодаря появлению в 1930-е годы отделов рукописей при университетских библиотеках и государственных музеях. Их коллекции состояли в том числе из личных архивов уплотненных или эмигрировавших профессоров²⁴.

В конце XX в. возникли смешанные жанры и сюжеты, пришедшие в университетские исследования из социальной и культурной истории науки и образования (обучение женщин, еврейские студенты, иностранные профессора или университетская символика, академическая культура, эволюция ученых степеней и проч.)²⁵. Их разработка требовала использования данных из архивов разного формирования (частных, ведомственных, государственных).

Независимо от выбранного жанра, университетские архивы представлялись исследователям собраниями произвольных (а потому беспристрастных) свидетельств. Между тем изучение фондовых справок, каталогов, документов по истории архива, старых описей убеждает в том, что они не являются суммой случайно собранных текстов. Их структура, логика взаимосвязей, очевидное наличие формуляров документов и матрицы заполнения доказывают, что университетский архив — это созданные в разные времена и с разными целями комплексы свидетельств в пользу определенных версий прошлого. Реконструкция намерений их создателей, обстоятельств их изготовления, анализ участия в этом разных людей и борьбы за контроль над архивом различных групп чиновников, профессоров и служащих дают возможность делать глубокие срезы отношений внутри академического сообщества²⁶.

²⁴ Вишленкова Е.А., Парсамов В.С. Университетские истории в России: генезис жанров // Вестник Санкт-Петербургского ун-та культуры и искусства. 2014. № 3 (20). С. 164–172.

²⁵ Дмитриев А.Н. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1. С. 41–64; Dmitriev A.N. The Cunning of Memory: Soviet University and Its Post-Communist Condition // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 269–286.

²⁶ Примеры тому: Еремин А.И. Черновики документации русской классической гимназии конца XIX — начала XX века как исторический источник для изучения истории повседневности // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 19 (141). С. 141–153; Еремин А.И. Информационные ресурсы документации русской классической гимназии для изучения социальной

В процессе изучения выяснилось, что корреляция между местом полевой работы исследователя и созданным им нарративом устанавливается благодаря тому, что изначально университетские архивы учреждались для подготовки отчетов в министерство и туда передавались соответствующие *этому назначению* документы²⁷. Все, что ему не соответствовало, на хранение не принималось или попало в ведомственный архив достаточно случайно²⁸.

Министерство народного просвещения редактировало и регулировало производство высказываний в своем ведомстве посредством делопроизводства (формуляры отчетов, ведомости, формулярные списки, требования к языку университетского самоописания и проч.)²⁹. Матрицы документов обеспечивали сбор свидетельств об университете как о государственном учреждении и не позволяли вписывать в тексты иные идентичности. Соответственно, исследователю, работающему с такими документами, трудно выйти за пределы государственнической версии университетского прошлого.

Анализируя работы предшественников, мы видели, что не только использованные методы обработки источников, но выбор локального архивохранилища определял исследовательскую концепцию³⁰. Дискурсивные различия местных университетских архивов объясняются тем, что в одних университетах служили

истории (конца XIX — начала XX в.) // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 1 (10). С. 120–135; *Галиуллина Р.Х.* Документы цензурных комитетов первой четверти XIX века: формы, комплектация и организация хранения // История и историческая память. Вып. 11. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2015. С. 224–242.

²⁷ Вишленкова Е., Ильина К. Архив как средство управления российскими университетами (статья в данном сборнике, с. 83).

²⁸ *Vishlenkova E.* Document Preservation Policy in Russian Imperial Universities // “Humanities” (WP BRP 29/Hum/2013) National Research University Higher School of Economics. 2013. <<http://www.hse.ru/data/2013/05/14/1299930340/29HUM2013.pdf>> (дата обращения: 21.02.2017).

²⁹ Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления (Россия, первая половина XIX века) // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 232–255.

³⁰ Вишленкова Е.А., Дмитриев А.Н. Прагматика традиции, или Актуальное прошлое для российских университетов // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. С. 61–95; Кулакова И.П. Протоколы конференции Московского университета как вариант самоописания // Там же. С. 96–113.

опытные архивариусы, а в других эта должность переходила из рук в руки или была вакантной. Человеческий фактор отразился на полноте и логике организации документальных собраний³¹. Так, когда в 1830-е годы правительство потребовало от всех присутственных мест наведения порядка «в справках», профессорские советы российских университетов разработали несходные принципы систематизации своих «бумаг»³². И даже когда в 1860–1870-е годы архивные фонды должны были редактироваться по единой, спущенной из министерства, схеме, не все университеты это предписание выполнили. Иногда такое решение было связано с наличием или отсутствием помещения для архива. В совокупности такие отступления, искажения и случайности сформировали коллекции, отличающиеся по своему составу, видам документов и подборке свидетельств.

И даже внутри одного университетского архива исследователь может обрести разные версии прошлого, в зависимости от того, с каким фондом он работает. Так, до 1830-х годов канцелярии попечителей учебных округов в Российской империи были их ведомственной собственностью, которую они возили за собой и которую использовали для дистанционного управления университетом, а также для доказательства собственного служебного радения. Такая заинтересованность породила несвойственное для остального университетского архива разнообразие свидетельств и видов документов в архивах попечительских канцелярий, а также их специфическую систематизацию³³.

Апробация выводов

Сотрудники Центра сделали эти наблюдения и выводы на кейсах Московского, Харьковского и Казанского университетов XIX в.

³¹ Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. С. 328–357.

³² Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Реформа университетских архивов в России 1830-х годов // История и историческая память. Вып. 9. Саратов; Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2014. С. 40–59.

³³ Ильина К.А. 1812 год и университетские архивы // История и историческая память. Вып. 6. Саратов; Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2012. С. 88–100; Ильина К. Архивы попечителей учебных округов в Российской империи (статья в данном сборнике, с. 165).

И поскольку при любой выборке остается место сомнению относительно ее репрезентативности (была ли обнаруженная нами зависимость специфическим явлением для данного места и времени), мы решили обсудить их с коллегами, работающими на материалах иных российских и зарубежных университетов. Участникам секции «Университетские архивы», созданной в рамках международной конференции «Университетские традиции: ресурс или бремя?» (НИУ ВШЭ, Москва, сентябрь 2013 г.)³⁴, мы задали вопрос: как архивы (их коллекции, условия существования, способы сохранения делопроизводства и личных коллекций, деятельность архивариусов и локальные условия размещения, финансирования, сохранения) влияли на исследовательские рассказы об университетском прошлом?

Поскольку вместе с историками из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Саратова, Казани в секции работали специалисты из Эстонии, Польши, Франции, Италии, Германии, Америки, Финляндии и Болгарии, то в ответ мы получили наблюдения, сделанные в широком географическом и временном контексте. Так, оказалось, что университеты в Лиссабоне и в Коимбре считались одним и тем же университетом только благодаря общему архиву с текстами привилегий³⁵. И наоборот — нынешняя дробность университетского архива не позволяет петербургским исследователям убедить соотечественников в единстве истории академического университета, Педагогического института и Петербургского университета³⁶.

Мы узнали, что подготовки к празднованию юбилеев отразились на судьбах всех университетских архивов³⁷, так как занятые в

³⁴ Sani R., Vishlenkova E. University Tradition: A Resource or Burden? // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 177–182.

³⁵ Rusanov A.A. Continuity of University History: A Case-Study of Portuguese Studium Generale (1288–1377) // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 287–300; Русанов А. Архив Португальского университета в XIV — начале XVI века (статья в данном сборнике, с. 220).

³⁶ Жуковская Т. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности (статья в данном сборнике, с. 114).

³⁷ National, Nordic or European? Nineteenth-Century University Jubilees and Nordic Cooperation / P. Dhondt (ed.). Leiden; Boston: Brill, 2011; University Jubilees and University History Writing: A Challenging Relationship / P. Dhondt (ed.). Leiden; Boston: Brill, 2015.

них историки срочно пополняли скудный архив своего университета копиями отчетов из иных коллекций (пример Харьковского университета), составляли указатели к неупорядоченному складу документов или забирали их часть домой для вечерней работы (пример Казанского университета)³⁸. Порой торжества провоцировали создание такого количества новых текстов, что, например, в архиве Тюбингенского университета все подготовительные к празднованию и к написанию юбилейной истории документы образовали отдельный фонд³⁹.

В ходе обсуждения выяснилось, что архив способен влиять на коллективную память разнообразными способами. Так, архив Варшавского университета редуцировал из анналов корпоративной памяти кусок имперского прошлого, оставшегося после обретения независимости Польши в Советском Союзе⁴⁰. Биография парижского архива объяснила, почему в XVII в. архивариусы были так заинтересованы в составлении реестров документов и как именно эти описи повлияли на создание первой истории Парижского университета. Оказалось, что документы активно использовались для отстаивания финансовых и территориальных привилегий профессоров, для обоснования внутренних реформ, для защиты интересов отдельных факультетов и «наций»⁴¹. Тематическое распределение документов определило концепцию первого труда об университетском прошлом. В свою очередь, отсутствие практики архивирования в болгарских университетах привело к тому, что историкам до сих пор не удается создать нарратив прошлого национального Университета⁴².

В ходе обсуждения выяснилось, что так же, как и в императорской России, личные архивы польских профессоров и научных

³⁸ Алмазова Н. Дело о «наилучшей» организации архива императорского университета в Казани (статья в данном сборнике, с. 23).

³⁹ Morozov O. The Historical Past of Tübingen University within the 1927 Jubilee Context // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 301–320.

⁴⁰ Алмазова Н. Судьба архива императорского университета в Варшаве (статья в данном сборнике, с. 35).

⁴¹ Амалу Т. Первые архивные каталоги Парижского университета в XVII веке: симптом кризиса или ресурс новой историографии? (статья в данном сборнике, с. 48).

⁴² Трифонова А.Д. Университетские архивы в Болгарии (статья в данном сборнике).

объединений не попадали в государственные архивы. Их национализация произошла в XX в., когда на основе сохранившихся коллекций были созданы Отдел рукописей Варшавского университета и фонды Архива Польской академии наук. Их открытие для посетителей расширило тематику университетских исследований⁴³. В то же время отсутствие таких центров сосредоточения личных архивных коллекций в Германии побуждает немецких историков буквально создавать личные архивы профессоров, разыскивая и соединяя в одной публикации тексты из разных архивохранилищ⁴⁴.

Мы убедились, что свидетельства одного, пусть даже очень богатого архива (например, архив Министерства народного просвещения в Российской империи) не дают возможности проводить компаративные исследования. При этом все университетские архивы содержат свидетельства в пользу переплетенной истории университетов (переписка между профессорами, учеными советами, обмен поздравлениями и научными рецензиями, формулярные списки с фиксацией академической мобильности)⁴⁵. Для того чтобы обрести возможность сравнивать, в Италии реализуют масштабные государственные проекты по изучению и стандартизации университетских архивов. И поскольку сопоставление требует хорошего знания локальных специфик, усилия итальянских научных фондов и исследователей вот уже два десятилетия направлены на выявление и коллективное обсуждение особенностей сохранения свидетельств в разных университетских сообществах⁴⁶.

Дискуссия показала, что политики памяти в европейских университетах формировали разные агенты: канцлеры, добивавшиеся привилегий для профессоров; члены профессорской корпорации, спасавшие архивы от пожаров и войн; секретари университет-

⁴³ Шиллер-Валицка И. Архив Польской Академии наук как хранилище профессорского наследия (статья в данном сборнике, с. 265).

⁴⁴ "Auch in Moskwa habe ich Ursache zufrieden zu sein": Christian von Schlozers Pravatkorrespondenz mit der Familie. Akademische Lebenswelten, Wissens- und Kulturtransfer in Russland am Beginn des 19. Jahrhunderts / Hrsg. von A. Kaplunovskiy (Mainzer Beiträge zur Geschichte Osteuropas). Mainz: Lit Verlag, 2014.

⁴⁵ Кусбер Я. Трансфер и сравнение: университетские сообщества России и Германии // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. С. 191–211.

⁴⁶ Поманте Л. Университетские архивы Италии между традицией и инновацией (статья в данном сборнике, с. 185).

ских советов, протоколировавшие или сочинявшие протоколы заседаний; архивариусы, не желавшие увеличения работы или выкраивавшие в архиве место для новых документов; адвокаты, использовавшие прошлое как аргумент для обоснования претензий университета⁴⁷; попечители, стремившиеся скрыть компрометирующие документы от ревизоров или продемонстрировать свои заслуги преемникам; адъютанты, которым поручали сделать указатели к канцелярским бумагам; профессора, не соблюдавшие правил делопроизводства или, напротив, стремившиеся упорядочить склад «старых бумаг» ради письменной истории; министерские чиновники, нуждающиеся в справках «с мест»; министры, претендовавшие на роль укротителей хаоса; и даже императоры, мечтавшие о хорошо организованном управлении.

В сочетании с факторами дороговизны бумаги, печного отопления архивных камер, плесени, нехватки помещений, отсутствия денег на приобретение стеллажей и картонных папок, ликвидации, а затем восстановления штатной должности архивариуса это приводило к редукции или ревизии архивных собраний. Почти всегда такая ревизия осуществлялась продуманно, с обсуждением того, что и почему из архивных богатств считать «вечным» и что «ненужным».

Благодаря кооперации с российскими и зарубежными коллегами, а также в результате учебно-исследовательской работы со студентами мы стали рассматривать Университет не только как институцию или пространство социальных взаимодействий и властных отношений, но и как специфическое место производства «высказываний». Последнее понятие мы понимаем расширительно и включаем в него как вербализованные идеи, так и поведенческие стратегии, солидарный выбор, протест и прочие действия. В такой перспективе архив предстает не зеркалом реальности или «черным ящиком», но участником «финальной сборки» многочисленных и противоречивых высказываний, превращения их в согласованный рассказ о прошлом.

В отличие от структуралистского прочтения строения («архитектуры») архива как недискурсивного хранилища, практикующих историков интересует не состояние архивов (т.е. хранящиеся там высказывания и суждения), а медиаторы, посредством кото-

⁴⁷ *Ouvarov P. Who Founded Paris University? A History of the 16th Century Law-suit // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 227–250.*

рых полнота университетской жизни превращалась в дискурсы социальной памяти (в рассказы об университетской жизни)⁴⁸. При таком подходе «физическая сторона» всякого организованного знания — собирание, классификация, хранение, обработка материалов и их передача во времени — предстает культурными практиками⁴⁹. Таким образом, нам важна многофункциональность университетского архива, который участвует в наших исследованиях и как институция, и как свидетельство, и как набор культурных практик, и как источник смыслов.

⁴⁸ *Beghtol C.* Stories: Applications of Narrative Discourse Analysis to Issues in Information Storage and Retrieval // *Knowledge Organization: International Journal devoted to Concept, Theory, Classification, Indexing and Representation.* 1997. Vol. 24. P. 64–71.

⁴⁹ *Эрнст В.* Архивация: Архив как хранилище памяти и его инструментализация при национал-социализме // *Новое литературное обозрение.* 2005. № 4 (74). С. 135; *Ernst W.* Archival action: The archive as ROM and its political instrumentalization under National Socialism // *History of the Human Science.* 1999. Vol. 12. P. 13.

ДЕЛО О «НАИЛУЧШЕЙ» ОРГАНИЗАЦИИ АРХИВА ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КАЗАНИ

doi:1017323/978-5-7598-1587-7_23-34

В настоящей статье речь пойдет о частном случае, имеющем отношение к заявленному во введении кругу проблем, — о неосуществленной попытке реорганизации архива в Казанском университете на рубеже XIX–XX вв. Обнаруженные документы, зафиксировавшие этапы реализации этого намерения, позволяют судить не только о желаниях реформаторов, но и о состоянии «коллектора» памяти Казанского университета на 1899 г. Кроме того, эти свидетельства позволяют затронуть вопросы прочтения архива, а именно объяснить, почему мотивы к изменению его структуры оказались слабее, чем стремление сохранить все в неизменном виде.

Архивное дело «О новой организации университетского архива» хранится в фонде Казанского университета в Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ). В нем содержатся следующие документы: обращение ректора университета к профессору-стипендиату В.Л. Борисову с просьбой ознакомиться с университетским архивом, записка Борисова о состоянии архива университета, рапорты архивариуса университета А.А. Бобровникова. Все они относятся к 1899–1901 гг.¹

В октябре 1899 г. ректор Казанского университета Дмитрий Иванович Дубяго обратился к Борисову с просьбой «поближе ознакомиться с устройством нашего архива университета, а именно: с порядком поступления в него дел, распределением их в архив, систематизацией, ведением каталогов и пр.»² и сообщить собранные сведения с замечаниями и указаниями, по возможности к ноябрю 1899 г.

¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128.

² Там же. Л. 1.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru